

**КОНЦЕПТЫ “ЛЮБОВЬ-СМЕРТЬ” В СЕМАНТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**
(Los conceptos de “amor y muerte” en el espacio
semántico del texto poético)

Марина В. Битокова

Кабардино-Балкарский государственный университет (Россия)

Marina V. Bitokova

Universidad Estatal Cabardino-Balkaria (Rusia)

ISSN: 1698-322X

Cuadernos de Rusística Española, 4 (2008), 141-144.

ABSTRACT

In this article we examine representations of the concepts «life», «death», «love» in the M. Lermontov's individual picture of the world. Considering the connection of these concepts may accept an issue about the union of these words in poet's language mentality.

Key words: poetical text, individual picture of the world, concept, life, death, love.

РЕЗЮМЕ

В данной статье исследуются ключевые концепты “жизнь”, “смерть”, “любовь” в индивидуальной картине мира М.Ю.Лермонтова. Рассмотрение смысловой связи данных концептов позволяет сделать вывод о единстве этих ключевых слов в языковом менталитете поэта.

Ключевые слова: поэтический текст, индивидуальная картина мира, концепт, жизнь, смерть, любовь.

В художественной речи слово перестает выражать лишь значение, зафиксированное в словаре. В соответствии со взглядами автора оно получает дополнительные смыслы. Придавая слову новые значения и оттенки смыслов, автор, часто бессознательно, выражает свое отношение не только к предмету текста, но и к миру. Мировоззренческие положения часто «запрятаны» автором в подтекст.

В индивидуальной картине мира М.Ю.Лермонтова одним из центральных являются концепты «жизнь» и «смерть». Будучи достаточно самостоятельными в сознании поэта, они часто взаимодействуют друг с другом: жизнь для него – это период жизни души, разрывающий вечность, а смерть – момент восстановления этой разорванной вечности. Поэтому нет у него страха смерти, а есть отягощенность жизнью и ожидание ее конца: «Жизнь – вечность, смерть – лишь миг!» (Маскарад). У него возникает триада: жизнь до рождения – жизнь сегодня – жизнь после смерти. Он чувствует связь этих трех составляющих жизни духа. «Так же просто, как другие люди говорят: моя жизнь, - Лермонтов говорит: моя вечность» (Мережковский 2002, 606). Он убежден в том, что душа не подвержена процессу умирания. В языковом сознании М.Ю.Лермонтова символом вечной жизни души является любовь. То есть

здесь можно говорить о своеобразном единстве трех концептов, которые оказывают влияние на мировоззрение поэта.

В данной статье мы попытаемся выявить те связи, которые объединяют концепты «жизнь», «смерть» и «любовь» в картине мира М.Ю.Лермонтова на примере стихотворения «Любовь мертвеца».

Лермонтовская энциклопедия (далее ЛЭ) отмечает, что «в лирике Лермонтова любовные мотивы почти никогда не разрабатываются как самодовлеющие. Любовная тема неизбежно вторгается в стихи, ставящие коренные вопросы «жизни назначения» (ЛЭ 1981, 309).

Как уже было сказано выше, в жизни души поэт выделяет своеобразные вехи: жизнь на земле, то есть реальная жизнь человека, и жизнь после смерти. И надо отметить, что именно любовь, сохраненная душой, связывает эти два этапа:

Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

На наш взгляд эта позиция соотносится с некоторыми философскими концепциями: «В философии жизни [Шопенгауэр] любовь выступает в качестве одного из синонимов «жизни»...» (Философский словарь 1991, 234). Кроме того интересно отметить то, как М.Ю.Лермонтов называет умершего: «жилец могил». Подобной метафорой он подводит читателя к мысли о том, что человек, прекративший свое земное существование, не прекращает жить, он лишь меняет «место дислокации», переходит в иное состояние. Более того, все переживания души понятны и привычны живущим:

Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную,
Как в старину.

Перечислены вполне конкретные чувства и эмоции: мечта, желание, плач, ревность особенно интересно, на наш взгляд, употребление слова «плач». Согласно Словарю русского языка (далее СРЯ) плач – это «нечленораздельные голосовые звуки, выражающие горе или сильную взволнованность и сопровождающиеся слезами» (Ожегов 1986, 450). То есть после смерти души доступны не только какие-то абстрактные чувства, но и их конкретное, «материальное» воплощение, не только переживания, но и выражение этих переживаний.

Для анализа характера деятельности души после физической смерти рассмотрим глаголы, употребленные в тексте для обозначения действий героя стихотворения: «засыпан», «забыл», «покинув», «ждал», «видел», «тосковал», «не узнавал», «перенес» [страсти], «ласкаю»[мечту], «желаю», «плачу», «ревную», [душа] «задрожит». Легко заметить, что подавляющее большинство глаголов выражают эмоциональные («тосковал», «желаю», «ревную») процессы либо употреблены в соответствующих контекстах («душа задрожит», «перенес страсти», «ласкаю мечту»). Действенность же глаголов, обозначающих процессы интеллектуальной деятельности, ослаблена

тем, что употребляются они только в формах прошедшего времени («забыл», «не узнавал»), то есть не воспроизводимые в настоящий момент. Глаголы, не имеющие значения ни эмоциональных, ни мыслительных действий представлены в пассивном залоге («засыпан», «покинув»), что сводит их действенности к минимуму.

В приведенном выше отрывке вызывает интерес и еще один момент: употребление понятия «старина»: «Желаю, плачу и ревную// Как в старину». В СРЯ дается следующее толкование этого слова: «Давнее, давно минувшее время» (Ожегов, 663). Если же обратимся к словарю В.И.Даля, то увидим, что старина – это «все старое (не ветхое), древнее, давнишнее, давнее, прошлое, давно минувшее; что было и прошло...» (Даль 2000, т. IV, 316). В обоих толковых словарях мы не находим того семантического оттенка, который придается этому слову М.Ю.Лермонтовым. На наш взгляд, оборотом «как в старину» он выражает связь эмоций героя, захватывающих его в данный момент, с чувствами, которые переживались им в земной жизни. То есть, думается, он хочет сказать о непосредственной связи этих временных отрезков, об отсутствии какой-либо четкой или непреодолимой границы между ними. Эта же мысль высказывается авторами ЛЭ: «...мертвец продолжает испытывать «любви безумное томленье», смерть – не разлука с любимой, в раю переживаются те же муки ревности... связь с жизнью не утрачивается, но приобретает новое качество «дремлющих сил жизни» (ЛЭ, 268).

На связь жизни и смерти через любовь указывает, на наш взгляд, и следующий отрывок:

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки...

Языковое и поэтическое чутье подсказывает адресату текста здесь последнюю строку: читая слова «отрады ждал я от разлуки», мы ждем подтверждения нашей догадки – слов «отрады нет». Однако, читательская интуиция подводит – М.Ю.Лермонтов говорит: «Разлуки нет». Поэт убежден сам и убеждает нас в том, что жизнь и смерть едины, и душа испытывает одни и те же чувства и эмоции в обоих этих состояниях:

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки –
Разлуки нет.

«Разлуки нет» означает, что смерть не приносит освобождения от «земных страстей», от обыкновенных человеческих чувств, желаний, от мечты и ревности.

Основная идея, в соответствии с которой выстроен весь текст, вынесена в заглавие. Это важно было бы отметить, поскольку заглавие, наряду с эпиграфом, началом текста и его концом, представляет собой так называемые «сильные позиции», которые анализируются при интерпретации художественного текста: «Заглавие является важной частью начального стимула, который, как учат психологи, определяет ход и исход всякой человеческой деятельности.

В плане лингвистическом заглавие является прежде всего названием, т.е. именем текста. Его можно уподобить имени собственному: оно индивидуализирует тот текст, которому принадлежит, выделяет его в ряду всех других текстов» (Арнольд 1999, 225). И именно с заглавием связывается содержание данного текста в ЛЭ: «Начиная с заглавия, в стихотворении обнаруживается оксюморонность, которая пронизывает весь основанный на этом же приеме лирический сюжет...» (ЛЭ, 268).

Безусловно, идеи и образы, которые создает М.Ю.Лермонтов являются результатом его личностного, субъективного осмысления понятий «жизнь», «любовь», «смерть». Но думается, что значительную роль здесь сыграли и архетипические представления, присущие той человеческой общности, частью которой был и М.Ю.Лермонтов: «Индивидуальный человек не может использовать свою силу в полной мере без помощи тех коллективных представлений, которые мы называем идеалами, которые освобождают скрытые силы инстинкта, недоступные сознательной воле. Наиболее эффективны идеалы, отчетливо представляющие варианты архетипа, что доказывает факт их сведения к аллегории» (Юнг 2005, 232).

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРНОЛЬД, И.В. (1999): *Семантика. Стилистика.Интертекстуальность:Сборник статей/ Науч. редактор П.Е.Бухаркин.* СПб.
- ДАЛЬ, В.И. (2000): *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах.* М. ,
- ЛЕРМОНТОВ, М.Ю. (1957): *Собрание сочинений в 4-х томах .* М.
- Лермонтовская энциклопедия* (1981). Москва.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д.С. (2002): «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». В кн.: *Статьи о русской литературе.* М. С. 593-638.
- ОЖЕГОВ, С.И. (1986): *Словарь русского языка.* М.
- Философский словарь* (1991). Москва.
- ЮНГ, К.Г. (2005): «Об отношении аналитической психологии к поэзии». В кн.: ТХОРИК, В.И., ФАНЯН, Н.Ю. *Лингвокультурология и межкультурная коммуникация.* М.